

- ¹⁷ [Хованский Н. Ф.] Очерки истории г. Саратова и Саратовской губернии Н. Ф. Хованского. Саратов, 1884. Вып. 1. С. 82–89.
- ¹⁸ Там же. С. 82.
- ¹⁹ См.: Герасимов А. А. Саратов. Краткий исторический очерк. Саратов, 1923. С. 33.
- ²⁰ См.: Воронов Ю. С. Патриарх русской «поэзии мысли» // Волга XXI век. 2006. № 9–10. С. 172.
- ²¹ См.: Чернышев М. А., Юматов А. Н. Если коснуться сердцем : три страницы саратовской биографии Степана Петровича Шевырева // Волга XXI век. 2005. № 9–10. С. 158–172.
- ²² См.: [Погодин М. П.] Воспоминания о Степане Петровиче Шевыреве М. П. Погодина. СПб., 1869.
- ²³ Чернышев М. А., Юматов А. Н. Указ. соч. С. 160–161.
- ²⁴ См.: Биографический словарь ... С. 603.
- ²⁵ Там же. С. 604.
- ²⁶ См.: Чернышев М. А., Юматов А. Н. Указ. соч. С. 161.
- ²⁷ Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 19. Оп. 1. Д. 402. Л. 204.
- ²⁸ Там же. Л. 143.
- ²⁹ См.: Биографический словарь... С. 603.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Очерки истории Саратовского Поволжья. Т. 1 : Саратовское Поволжье с древнейших времен до отмены крепостного права. Саратов, 1993. С. 248.
- ³² [Погодин М. П.] Воспоминания о Степане Петровиче Шевыреве М. П. Погодина. СПб., 1869. С. 4.
- ³³ Там же. С. 19.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Биографический словарь... С. 603.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ См.: Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1889. Кн. 2.
- ³⁹ Чернышев М. А., Юматов А. Н. Указ. соч. С. 158.
- ⁴⁰ Там же. С. 165–168.
- ⁴¹ Барсуков Н. П. Жизнь и труды... С. 93.
- ⁴² Чернышев М. А., Юматов А. Н. Указ. соч. С. 163.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Там же. С. 165.
- ⁴⁵ Азадовский М. К. Указ. соч. С. 328.
- ⁴⁶ Там же. С. 215.
- ⁴⁷ Там же. С. 222.
- ⁴⁸ См.: Чернышев М. А., Юматов А. Н. Указ. соч. С. 166.
- ⁴⁹ Азадовский М. К. Указ. соч. С. 328.
- ⁵⁰ Там же. С. 334.
- ⁵¹ Там же. С. 328.
- ⁵² Там же. С. 335.
- ⁵³ Ухов П. Д. С. П. Шевырев // Литературное наследство : в 104 т. Т. 79. Песни, собранные писателями : новые материалы из архива П. В. Киреевского. М. : Наука, 1968. С. 511.
- ⁵⁴ Там же. С. 511.
- ⁵⁵ См.: Баландин А. И., Ухов П. Д. Судьба песен, собранных Киреевским // Литературное наследство. Т. 79. ... С. 77.
- ⁵⁶ См.: Литературное наследство. Т. 79.
- ⁵⁷ См.: Ухов П. Д. Указ. соч. С. 511–512.
- ⁵⁸ См.: Соимонов А. Д. Фольклорное собрание П. В. Киреевского и русские писатели // Литературное наследство. Т. 79. ... С. 162.
- ⁵⁹ Там же. С. 115.
- ⁶⁰ См.: Ухов П. Д. Указ. соч. С. 511.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² См.: Чернышев М. А., Юматов А. Н. Указ. соч. С. 162.
- ⁶³ ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 402 Л. 139–144.
- ⁶⁴ См.: Списки населенных мест Российской империи. Т. 38 : Саратовская губерния. Саратов, [1912].
- ⁶⁵ Там же. Петровский уезд. Саратов, [1912]. С. 36–37.

УДК 314(470.44/47)19]

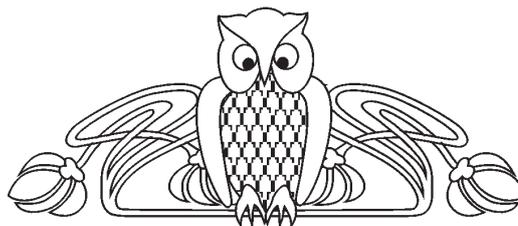
ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ В 1920–1930-е годы

В. А. Чолахян

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: vcholakhyan@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности демографического перехода в Нижнем Поволжье в 1920 – 1930-е гг. как составной части модернизации региона. Автор анализирует миграционное движение, динамику численности и половозрастной состав городского и сельского населения, а также административно-правовую роль государства в регулировании этих процессов.

Ключевые слова: демографический переход, модернизация, индустриализация, урбанизация.

The Peculiarities of the Demographic Transition in the Lower Volga Region in the 1920–1930s

V. A. Cholakhian

This article considers the peculiarities of the demographic transition in the Lower Volga region in 1920–1930s as a part of the region's modernization. The author analyzes the migratory movement, the dynamics of the number and demographic composition of the urban and rural population, as well as the legal and administrative role of the state in the regulation of these processes.

Key words: demographic transition, modernization, industrialization, urbanization.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-2-223-230

В результате бурных политических событий в России в начале XX в. произошли радикальные сдвиги в демографических процессах, представляющие собой изменения в составе и воспроизводстве населения, его естественного движения, а также в развитии семейно-брачных отношений. В XX в. «демографические перемены... охватили матримониальное, прокреативное, сексуальное, семейное, жизнеохранительное, миграционное поведение людей, чрезвычайно сильно повлияли на становление нового типа личности человека, его интеллектуального и эмоционального мира, на его индивидуальный жизненный путь. Совокупность этих перемен и составляет содержание демографической модернизации России»¹. Демографические изменения в стадии их качественных трансформаций привели к демографическому переходу, т. е. смене моделей рождаемости и воспроизводства, иному балансу рождаемости и смертности, чем в традиционном обществе.

При всём своеобразии исторического пути России в начале XX в. и влиянии приводящих факторов (огромные людские потери в Первой мировой и Гражданской войнах) демографический переход явился отражением общемировых демографических тенденций в контексте перехода от традиционного к современному обществу, прежде всего под влиянием индустриальной модернизации и урбанизации². Экономическая реконструкция в корне изменила условия повседневной деятельности людей, а урбанизация – условия их социального поведения. Связанная и с тем, и с другим демографическая революция изменила условия частной, интимной жизни людей, затронула глубинные, экзистенциальные стороны человеческой личности. Главными количественными индикаторами демографической революции служат показатели снижения смертности и рождаемости³.

В дореволюционной России, хотя и наметились новые тенденции в области естественного движения населения, в структуре расселения и в сфере его занятости в целом сохранялась традиционная модель воспроизводства с высокой смертностью и рождаемостью. По этой причине основные процессы демографического перехода в России происходили в советское время, в условиях формирования новой общественно-политической и экономической системы. Именно советская общественная система оказала огромное влияние на все стороны демографического процесса, определила его специфику, сохраняя при этом неизбежную преемственность в силу географических, геополитических, социокультурных и иных условий.

В царской России в 1917 г. насчитывалось 175 134 400 чел. постоянного населения⁴. Уже 1 января 1918 эта цифра равнялась 142,6 млн человек⁵. По подсчётам исследователей, с 1917 г. до 1920 г. население России сократилось на 7,1 млн, а в 1921 г. – на 10,9 млн человек⁶. Причиной тому являлись потери в Гражданской войне, эмиграция, недостаток продовольствия, болезни, голод.

Всё это отразилось и на положении российского города. На 1 января 1917 г. на территории СССР насчитывалось 25,8 млн чел. городского населения, на 1 января 1920 г. – 21,5 млн, на 28 августа 1920 г. – 20,9 млн человек⁷.

Революция и Гражданская война катастрофическим образом отразились на численности населения страны. За короткий промежуток времени исчезли сословия: дворяне, купцы, мещане. Значительно сократилась численность рабочего класса – если до Первой мировой войны во всех отраслях народного хозяйства России насчитывалось 11 млн рабочих, то в 1922 г. – лишь 4,6 млн⁸. Многие рабочие, спасаясь от голода и нужды, уходили в деревню, что приводило к «ситуационной дезурбанизации» и сокращению численности городского населения. За период с 1913 г. по 1920 г. оно уменьшилось в РСФСР с 15,7 до 12,6 млн чел., то есть почти на 20 %, а доля городских жителей в составе населения соответственно снизилась с 17,9 до 15,3 %⁹.

Убыль населения в 1917–1920 гг. наблюдалась как в городе, так и в деревне. Однако динамика городского и сельского населения не была полностью идентичной. В годы Гражданской войны и хозяйственной разрухи, отмеченные крайним упадком промышленности и натурализацией крестьянского хозяйства, наиболее заметно уменьшилось население в городах. В 1917–1920 гг. городское население сократилось с 25,8 млн до 20,9 млн чел., т. е. на 4,9 млн, а сельское население – с 117,7 млн до 115,9 млн, т. е. на 1,8 млн¹⁰. Эти цифры отнюдь не свидетельствуют о том, что сильнее пострадали города. Гражданская война в деревне была не менее жесткой и кровопролитной, чем в городе. Резкое сокращение городского населения связано было, прежде всего, с уходом в деревню всех тех, кто утратил средства к существованию, в связи с остановкой промышленных предприятий, с прекращением строительства и т. п.

В Нижнем Поволжье городское население также значительно уменьшилось: в Саратове с 228 518 в 1914 г. до 191 996 чел. в 1920 г., в Царицыне – с 117 675 до 88 871 чел., в Астрахани – с 166 517 до 116,1 тыс. чел., а доля городских жителей – с 15,8 до 12,7%¹¹. Основными причинами потерь городского населения региона стали хозяйственная разруха, падение жизненного уровня, эпидемии, а также военно-коммунистические методы руководства, приведшие к голоду 1921–1922 гг.

Кульминацией смертности населения Саратовской губернии стал 1922 г., когда в результате голода естественная убыль населения составила 43,37. Накопившиеся в течение предшествовавших лет неблагоприятные социальные факторы получили мощный «разряд» в демографической катастрофе 1922 г. Из других губерний отрицательный прирост населения имели Екатеринбургская – 22,07, Чувашская область – 12,84, Москва – 6,6, Ленинград – 4,73 на тысячу¹². Последующие годы

оказались переломными в жизни страны и Нижнего Поволжья. Стали более отчётливо вырисовываться контуры новой экономической политики, способствовавшие возрождению хозяйства и улучшению социально-бытовых условий жизни людей, что вело к постепенному увеличению численности населения. Позитивные тенденции в демографической ситуации в регионе и стране в целом нашли отражение в итогах Всесоюзной переписи населения, проведённой 17 декабря 1926 г. Перепись показала, что в СССР проживало 147 млн человек¹³. В Нижнем Поволжье численность населения представлялась следующим образом (табл. 1)¹⁴.

Как видно из приведённых данных, в 1926 г. в регионе проживало 4 283 762 чел., в том числе в городах Саратовской губернии 18,8 %, а Сталинградской – 22,2 %, что несколько превышало всеобщие показатели (17,9 %)¹⁵. В Саратове проживало 219 554 чел., Сталинграде – 151 490 чел., в Астрахани – 184 301 человек¹⁶. Доля женщин в общей численности населения Нижнего Поволжья составляла 52,5 %¹⁷.

Можно констатировать, что короткий отрезок времени, вошедший в историю как период новой экономической политики, знаменовался переменами не только в хозяйственной, но и в социальной сферах. Однако изменившаяся внутриэкономическая ситуация в стране в конце 1920-х гг. постепенно привела к свёртыванию нэпа. Это было продиктовано господствовавшими в советском обществе утопическими представлениями о построении справедливого «коммунистического будущего» и интересами укрепляющейся номенклатуры. На смену рыночным отношениям пришли форсированная индустриализация и сплошная коллективизация сельского хозяйства. Большевики превратили индустриализацию в главную задачу построения социализма, в самоцель, а человек стал рассматриваться как средство для её достижения. Демографические последствия подобных политических решений сказались достаточно скоро.

Политика сверхиндустриализации и реализация разного рода гигантских промышленных проектов привели к пертурбационному развитию народонаселения страны. Результатом политики сплошной коллективизации стал быстрый рост населения городов за счёт убагавших из деревень крестьян. Миграционные потоки населения в Нижнем Поволжье в 1929–1930 гг., поощрявшиеся государством до середины 1931 г., приняли широкомасштабный характер¹⁸ (табл. 2)¹⁹.

Таким образом, по данным официальной статистики, в крупные города Нижнего Поволжья в течение 1929–1930 гг. прибыло 369126 мигрантов, при этом выбыло из городов 196 114 чел., т. е. было совершено более полумиллиона переселений. Всего же в СССР за 1929–1931 гг. в города прибыло 27,3 млн чел. и выбыло 19,2 млн человек²⁰. Большое количество перемещений людей не учитывалось статистикой.

Анализ миграционных потоков показывает, что приток населения в города осуществлялся главным образом из сельской местности. Из прибывших в Саратов в 1930 г. 79963 чел. 69,2 % были выходцами из своих районов и 30,8 % составляли мигранты из других краёв и областей страны. В Сталинграде соотношение внутренних и внешних мигрантов составляло соответственно 54,9 и 45,1 %, а в Астрахани – 48,9 и 51,1 %²¹.

Форсированная индустриализация привела к быстрому росту городского населения страны. Власти рассматривали этот факт как один из главных показателей «грандиозных успехов» страны в области индустриализации. В связи с индустриализацией миллионные массы людей поднимались с насиженных мест и отправлялись на поиски новой жизни, туда, где закладывались основы будущей экономической мощи страны – в города и совсем необжитые места, т. е. опять-таки в новые, часто в будущие города.

Конечным результатом миграции был рост городов за счёт сёл и деревень. В 1928 г. механи-

Таблица 1

Численность населения Саратовской и Сталинградской губерний по переписи населения 1926 г.

Губерния	Мужчины	Женщины	Всего	Население	
				городское	сельское
Саратовская	1 005 287	1 113 435	2 118 722	400 313	1 718 409
Сталинградская	1 024 979	1 140 068	2 165 040	481 047	1 683 993

Таблица 2

Миграционные потоки населения Нижнего Поволжья в 1929–1930 гг.

Город	Год	Прибыло	Выбыло
Саратов	1929	49 554	33 389
	1930	79 963	44 273
Сталинград	1929	54 180	23 055
	1930	105 504	49 754
Астрахань	1929	34 693	21 328
	1930	45 232	24 313

ческий прирост городского населения составил 1 062 тыс. чел., а в 1929 г. – 1 392 тыс. человек. За 5-летний период (1925–1929) в города переселилось примерно 5,2 млн чел. сельских жителей, причём интенсивность процесса удвоилась²². В 1930-е гг. при резком сокращении сельского населения в СССР наблюдался устойчивый рост городского. Это объясняется миграцией людей в города в поисках лучшей жизни, что приводило к механическому приросту городского населения.

В конце первой пятилетки правительство перешло к жёстким административно-полицейским методам по отношению к мигрантам. В декабре 1932 г. в СССР были введены паспорта и организована система прописки, при этом крестьянам паспорта не выдавались²³. Согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 17 марта 1933 г. выход из колхоза допускался теперь с разрешения администрации на основе оргнабора рабочей силы²⁴. В итоге в 1933 г. правительству удалось несколько снизить масштабы перемещения населения. В целом в 1933 г. в города СССР прибыло 7,4 млн чел., выбыло 6,6 млн человек (89,1%)²⁵.

Подсчёты показывают, что в 1933 г. в города региона прибыло 141392 чел., выбыло 119 179 (84,2%), а механический прирост населения составил 22 213 чел. По-прежнему оставалось высоким миграционное движение среди служащих: прибыло 18 716 и выбыло 17 899 человек. Обращает на себя внимание большая текучесть рабочих-металлистов: в Сталинграде прибыло 3 622, а выбыло 4 054 чел., а в Саратове соответственно 1 020 и 1 066 человек. Несколько снизился приток деревенских жителей в города: если в 1931 г. 74,2% пополнения рабочих в городах исходило из сельской местности, то в 1933 г. – 57,9%²⁶.

Последствия социально-экономической политики властей в городе и деревне в полной мере сказались в 1932–1933 гг., когда в СССР разразился страшный голод, унесший жизни миллионов людей. Голод носил локальный характер и охватил в первую очередь хлебопроизводящие районы: Украину, Северный Кавказ, Западную Сибирь, Центральную-Чернозёмную область, Поволжье. Считается, что это был искусственно организованный голод, порождённый принудительными хлебозаготовками. Он поразил не только деревню, но и город – недоедание охватило всю страну. Голод стал ещё одной причиной массового бегства крестьян в города. «Голодомор» 1932–1933 гг. привёл к «демографической катастрофе», оказал глубокое негативное влияние на последующие годы. В 1933 г. впервые в демографической истории страны в мирное время смертность превысила рождаемость. По данным В. А. Исупова, основанным на оценках Е. М. Андреева, Л. Е. Дарского и Т. Л. Харьковской, в 1933 г. по отношению к 1932 г. число родившихся уменьшилось на 292 тыс., тогда как число умерших увеличилось на 6 664 тыс. и превысило 11 млн человек. Соответственно

естественная убыль населения СССР в 1933 г. составила около 6 млн человек²⁷.

Среди наиболее неблагополучных в демографическом плане регионов выделялось Нижнее Поволжье. По подсчётам В. Б. Жиромской, в Саратовском крае в 1933 г. число умерших на 84,2 тыс. чел. превысило число родившихся (118 тыс. против 34,7 тыс.); в Республике Немцев Поволжья – на 36,2 тыс. (50,1 тыс. против 13,9 тыс.), в Сталинградском крае (без Калмыкии) – на 36,7 тыс. (81,8 тыс. против 45,1 тыс.)²⁸. По данным Е. А. Осокиной, естественная убыль населения Нижне-Волжского края в 1933 г. составила 277,8 тыс. чел. (63,8 тыс. в городах и 214,0 тыс. на селе)²⁹. В городах региона показатели естественного прироста населения понижались вплоть до 1933 г. включительно.

Тяжёлый труд и полуголодное существование укорачивали жизнь городских рабочих. К тому же мужчины как физиологически менее устойчивая, но социально более активная группа населения сильнее, чем женщины, были подвержены негативному воздействию среды. Главными причинами массовой гибели людей были болезни экзогенного происхождения, обусловленные негативными факторами внешней среды: острые и хронические инфекции, желудочно-кишечные, сердечно-сосудистые заболевания, а также туберкулёз, малярия, энтерит, колит, бронхит, диарея и т. д.³⁰ Как правило, смерти людей непосредственно от голода не фиксировались и соответственно не попадали в статистические сводки. Между тем массовые смерти от различных заболеваний являлись прямым следствием голода, употребления населением суррогатов и некачественных продуктов, проживания в антисанитарных, сырых и холодных помещениях.

О голоде свидетельствовал нараставший поток жалоб и письменных обращений к руководству страны. Так, в связи с повышением цен с 1 января 1933 г. на продукты питания на предприятиях Саратова поднялась волна недовольства рабочих. Работница швейной фабрики Эйснер на собрании заявила следующее: «На что нам колдоговор, когда рабочие с голодухи пухнут». Рабочий, член партии Алексеев отметил факты несправедливого распределения хлеба: «Рабочий на заводе комбайнов получает 400 г, а на швейной фабрике – 100 г»³¹. В Вольске рабочие цементных заводов при норме 800 г хлеба, получали всего 200 г. В Балашове из-за отсутствия продовольственного пайка уволилась большая группа квалифицированных рабочих³².

В особенно тяжёлом положении оказались учителя в Саратовском крае, где с марта по июнь 1934 г. они не получали полного продовольственного пайка. ЦК профсоюза Раброс в своём письме просил ВЦСПС «в срочном порядке оказать помощь в снабжении хлебом учителей»³³. Централизованные фонды снабжения хлебом снизились с 17100 т в IV квартале 1933 г. до 1400 т в I квартале 1934 г. В ряде регионов Саратовского края бюджетные работники так же, как и инвалиды, были полностью сняты со снабжения. В Саратовском

и Сталинградском краях были сильно урезаны нормы обеспечения хлебом, а все без исключения инвалиды полностью сняты со снабжения³⁴.

Председатель Оргбюро ВЦСПС по Саратовскому краю в секретном письме просил Н. М. Шверника «оставить в соответствующих органах вопрос об увеличении отпуска муки на общее снабжение Саратовского края по 500 тонн в месяц»³⁵. Секретарь крайкома ВКП (б) В. В. Птуха был вынужден обратиться в Политбюро с просьбой увеличить план хлебоснабжения края на январь 1933 г. на 1900 т, но получил отказ. Политбюро приняло решение «отпустить Нижне-Волжскому краю 1000 тонн хлеба авансом, в счёт отчислений на местные нужды от закупки хлеба, которая будет производиться после выполнения полностью годового плана хлебозаготовок»³⁶.

Для выполнения плана хлебозаготовок в Поволжье была направлена комиссия во главе с В. М. Молотовым, Л. М. Кагановичем и П. П. Постышевым. Результатом работы комиссии, требовавшей любой ценой выполнить план, стало освобождение от занимаемых должностей 9 секретарей райкомов, 3 председателей исполкомов районных Советов. Нижне-Волжский крайком ВКП (б) потребовал от «райисполкомов и райкомов районов, сорвавших план, безусловного выполнения плана хлебозаготовок к 5 января, не останавливаясь перед дополнительными заготовками в колхозах, выполнивших план»³⁷.

Весна и лето 1932 и 1933 гг. были обычными, и погода оценивалась как благоприятная для урожая всех полевых культур. В целом урожай по подсчётам В. В. Кабанова, был средним (примерно 62,7 млн т в 1932 г. и 63 млн т в 1933 г.)³⁸ и его вполне хватило бы, чтобы не только не допустить массового голода, но и определённую часть сдать государству. Однако действия властей по экспор-

тации зерна на нужды форсированной индустриализации породили голод, всячески скрывавшийся средствами массовой информации.

Лишь в середине 1930-х гг. произошла стабилизация аграрного сектора экономики, а рост капиталовложений в легкую и пищевую промышленность позволил увеличить производство предметов потребления. Сдвиги в социальной структуре общества определялись, с одной стороны, ростом культурного и образовательного уровня населения, а с другой – продолжал сохраняться остаточный принцип финансирования социальных нужд. Рост прагматических начал в экономической и социальной политике сталинского руководства привёл к общей разрядке напряжённости в стране в середине 1930-х гг. и обусловил улучшение демографической ситуации. В 1934 г. показатель смертности населения заметно снизился: по отношению к 1932 г. – на 32,3%, к 1933 г. – на 65,6%³⁹. В 1935 г. началось повышение в городах абсолютного показателя естественного прироста населения. Основные тенденции демографического развития населения на протяжении 1930-х гг. позволяют проследить данные переписей населения 1926 и 1939 гг. (табл. 3).

В соответствии с данными, приведёнными в табл. 3, численность населения крупных городов Нижнего Поволжья за 1920–1930-е гг. удвоилась. Особенно высокие темпы прироста были зафиксированы в Сталинграде – в 2,9 раза. В Саратове численность населения увеличилась в 1,7 раза, в Астрахани – в 1,4 раза. Материалы переписей показывают отрицательный демографический баланс населения Саратовской области в 1939 г. по сравнению с 1926 г. (– 320 208 чел.), а в Сталинградской области за годы между переписями население увеличилось лишь на 23 099 чел. Объясняется это тем, что регион оказался в самом эпицентре голода,

Таблица 3

Численность городского и сельского населения в Нижнем Поволжье в 1920–1930-х гг.⁴⁰

Область, город	Население					
	городское	сельское	всего	мужчины	женщины	% городского населения
1926 г.						
Саратовская	400 313	1 718 409	2 118 722	1 005 287	1 113 435	18,9
Сталинградская	481 047	1 683 993	2 165 040	1 024 972	1 140 068	22,2
1939 г.						
Саратовская	665 510	1 133 004	1 798 514	834 602	963 912	37,0
Сталинградская	892 648	1 395 491	2 188 139	1 069 375	1 218 764	39,0
1939 г. в % к 1926 г.						
Саратовская	166,2	65,9	84,9	83,0	86,6	
Сталинградская	185,6	82,9	105,7	104,3	106,9	
		1926 г.	1939 г.		1939 г. в % к 1926 г.	
Сталинград		151 490		445 312		294,0
Саратов		219 547		372 002		169,4
Астрахань		184 301		253 595		137,6

а смертность в сельской местности была значительно выше, чем в городах: убыль сельского населения Саратовской области составила 584405 человек. Ещё сильнее, чем в городах, на селе была выражена мужская сверхсмертность: на каждые 100 умерших женщин в 1933 г. приходилось 140 мужчин⁴¹.

Продолжая анализ табл. 3, следует обратить внимание на значительную убыль мужского населения Саратовской области (– 170685) по сравнению с женской (– 149523). Наметилась диспропорция в соотношении полов, корни которой уходят в 1920-е гг.: женщины в 1926 г. составляли 52,5 %, в 1939 г. – 53,5 % (по РСФСР – 52,6 %). Это нарушение начинается уже в возрастной группе 15–19 лет. Если в младенчестве и детском возрасте мальчики преобладали числом над девочками, соответственно 52,3 и 47,7 %, то начиная с 15 лет и старше они уступали в численности девочкам. В возрастной группе 15–29 лет соотношение между полами составляло уже 49,6 против 50,4 %. Диспропорция в пользу женщин; соответственно 47,1 и 52,9 %, после 50 лет – 42,6 и 57,4 % и старше 60 лет – 39,7 и 60,3 %⁴². Эта диспропорция объясняется повышенной смертностью мужчин, вызванной интенсивными миграциями, последствиями форсированной индустриализации, репрессивной политики государства.

В переписи 1939 г. выделены возрастные группы, в том числе и по городам Нижнего Поволжья (табл. 4)⁴³.

Судя по данным таблицы, лица молодого возраста до 30 лет составляли 60,3 %, доля средних возрастов (от 20 до 50 лет) составляла 49,0 %, а пожилые (свыше 60 лет) – всего 6 %, что примерно совпадало с общероссийскими показателями. В целом население городов Нижнего Поволжья в 1930-е гг. продолжало оставаться молодым по своему возрастному составу, главным образом за счёт притока сельской молодёжи.

Административно-правовая роль государства в регулировании демографических процессов наиболее активно проявлялась в отношении городской семьи, её формирования и развития. После 1917 г. кардинальные изменения претерпели правовые основы семейно-брачных отношений: если до революции юридическую силу имел только церковный брак, то в соответствии с декретом от 18 октября 1917 г. единственно законным стал считаться гражданский брак, оформленный в органах ЗАГСа. Декрет положил начало подрыва не только религиозных, но и моральных основ семьи. Попытки

разрушить традиционные отношения полов, продолжавшиеся в первой половине 1920-х гг., получили своё юридическое оформление в принятом в 1926 г. законе о браке, семье и опеке. Кодекс 1926 г. максимально упростил юридические основы брака и явился реализацией пропагандистских установок на свободу брачных отношений: для расторжения брака достаточно было заявления одного из супругов, причём представления какого-либо объяснения не требовалось⁴⁴.

Моральные и материальные последствия для страны нового закона сказались довольно быстро: число разводов росло катастрофически (данные на 1 тыс. человек): 1920 г. – 1,9; 1923 г. – 3,4; 1927 г. – 9,8; 1929 г. – 11,3⁴⁵. В Саратове в 1927 г. было совершено 2 859 браков и 1344 разводов, в Сталинграде соответственно – 2 356 и 1 158, в Астрахани – 1 723 и 693, то есть расторгался каждый второй брак⁴⁶.

Смена экономического курса в конце 1920-х гг. заложила материальный и социальный фундамент ускоренной урбанизации, затронувшей и сферу семейно-брачных отношений. Начался постепенный отход государственной политики от теории свободной любви к практике укрепления семьи, как необходимого условия физического и духовного воспроизводства населения. В качестве новой добродетели выдвигается антисексуализм. Партийные и общественные организации на основе провозглашённых доктором Залкиндом вульгарных установок стали активно вмешиваться в сферу личных отношений⁴⁷.

Форсированная индустриализация требовала огромного количества рабочих рук, нехватка которых восполнялась за счёт женщин. Теория социальной эмансипации женщины и уравнивания её в правах с мужчинами стала удобным основанием для использования женского труда на тяжёлых производствах. В массовое сознание людей внедрилась идея стирания внешних различий между полами как в сфере производства, так и эстетики, быта, моды. Основной производственной одеждой «периода реконструкции» стал чёрный или серый сатиновый ватник или юнгштурмовка для молодёжи, особенностью которой был её универсальный характер: она одинакова как для мужчин, так и для женщин⁴⁸.

Во второй половине 1930-х гг. в стране прочно утвердились традиционные ценности частной жизни – брак, семья, домашний уют, но под социальным контролем государства. Заметно сократилось количество разводов (табл. 5)⁴⁹.

Таблица 4

Возрастной состав городского населения

Город	До 7 лет	8–11 лет	12–14 лет	15–19 лет	20–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60 лет и старше	Всего, %
Саратов	13,5	7,7	7,3	9,8	20,0	17,6	10,6	7,5	6,0	100
Сталинград	14,7	7,3	6,7	8,6	21,6	18,1	10,0	7,1	5,9	100
РСФСР	15,2	7,5	6,6	10,0	22,1	17,3	9,7	6,4	5,2	100

Таблица 5

Количество браков и разводов в городах Нижнего Поволжья

Город	1927 г.			1939 г.		
	Число браков	Число разводов	%	Число браков	Число разводов	%
Астрахань	1 723	693	40,2	2 419	376	15,5
Саратов	2 859	1 344	47,0	3 935	651	16,5
Сталинград	2 356	1 158	49,1	4 325	608	14,0
Итого	6 938	3 195	46,0	10 679	1 635	15,3

Таким образом, несмотря на все тяготы жизни, в 1930-х гг. в обществе продолжало укрепляться традиционное отношение к семье, увеличивалось количество браков, а число разводов с 1927 г. по 1939 г. сократилось почти в два раза; в 1939 г. расторгался каждый шестой брак.

Вместе с тем на первый план стали выдвигаться социальные ценности престижа и статуса, тогда как дети, семья оказывались не просто дополнением, но чем-то второстепенным для многих женщин. Кроме того, в условиях резкого падения уровня жизни многие семьи сознательно отказывались от рождения детей, откладывая до лучших времён.

Демографический переход способствовал изменению традиционных брачно-семейных отношений. Они в значительной степени были связаны с новыми условиями жизни и работы, интересами и потребностями городского населения. В середине 1920-х гг. в России получили распространение три типа семей: простая семья (супружеская пара с детьми или без детей); неполная семья (один из родителей с детьми); сложная семья с супружеским ядром (супружеская пара с детьми или без детей с одним из родителей супругов и другими родственниками). В 1930-е гг. в российских городах численно преобладали простые семьи, состоявшие из супругов и детей. Значительно сократилось проживание в семье родственников со стороны мужа или жены. Простые семьи были малочисленны и состояли из 3–4 человек⁵⁰.

Согласно данным Всесоюзной переписи 1939 г., величина городской семьи в РСФСР в среднем составила 3,6 чел., в городах Саратовской, Сталинградской областей – из 3 человек⁵¹. Среди городского населения Саратовской области преобладали семьи, состоящие из 3 человек (29,6%). Немного меньше было семей, состоявших из 2 человек (25,8%). Далее по распространенности следовали семьи из 4 человек (23,3%), 5 человек (12,6%). Наряду с ними существовали и семьи из 10 и более человек – это наименее распространенная группа семей – 179 (0,7%)⁵². В целом в городах региона в 1939 г. 78,7 % семей имели не более 1–2 детей, а такое понятие, как многодетность уходило в прошлое.

Таким образом, модернизационные процессы в Нижнем Поволжье в 1920–1930-е гг. ускорили демографический переход, который характеризовался переходом от традиционной, патриархальной модели семьи к современной, более демократичной

и малодетной. Коренным образом изменилось демографическое поведение людей, семейные роли и ценности. К концу 1930-х гг. средняя продолжительность жизни в СССР по сравнению с началом века увеличилась, снизилась и рождаемость, установился баланс рождаемости и смертности, характерный для экономически развитых стран.

Примечания

- 1 См.: Демографическая модернизация России. 1900 – 2000. М., 2005. С. 9.
- 2 См.: Сенявский А. С. Урбанизация России в XX в. в экономическом измерении: взаимосвязь с демографическими процессами // Экономическая история России: проблемы, поиски, решения. Ежегодник. Вып. 8. М., 2006. С. 302.
- 3 См.: Вишневецкий А. Г. Русский или Прусский. Размышления переходного состояния. М., 2005. С. 34–35.
- 4 См.: Труды ЦСУ. Т. 1, вып. 1. Предварительные итоги переписи населения 28 августа 1920 г. Население 25 губерний Европейской России. М., 1920. С. 4.
- 5 См.: Данилов В. П. Динамика населения СССР за 1917–1929 гг. (Опыт археографического и источниковедческого отбора данных для реконструкции демографического процесса) // Археографический ежегодник за 1968 год. М., 1970. С. 244.
- 6 См.: Жиромская В. Б. После революционных бурь: население России в первой половине 20-х годов. М., 1996. С. 6–7.
- 7 См.: Данилов В. П. Указ. соч. С. 245.
- 8 См.: Народное хозяйство СССР. 1922–1972 гг. М., 1972. С. 345.
- 9 См.: Население СССР. 1987: стат. сб. М., 1988. С. 8.
- 10 См.: Данилов В. П. Указ. соч. С. 247.
- 11 Подсчитано по: Мальков А. А. Естественное движение населения Саратовской губернии за период 1914–1925 гг. Саратов, 1926. С. 72; Статистический обзор Саратовской губернии за 1914. Саратов, 1915. С. 7; *Водолагин М. А.* Очерки истории Волгограда. 1589–1967. М., 1968. С. 224; *Корноухова Г. Г.* Повседневность и уровень жизни городского населения СССР в 1920-е – 1930-е гг. (на материалах Астраханской области): дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. С. 24.
- 12 См.: Мальков А. А. Указ. соч. С. 19.
- 13 Население СССР. 1987: стат. сб. М., 1988. С. 8.
- 14 См.: Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 336. Д. 140. Л. 4, 8; Д. 322. Л. 1.

- ¹⁵ См.: Население СССР. 1987. М., 1988. С. 8.
- ¹⁶ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 140. Л. 10.
- ¹⁷ Там же. Л. 4.
- ¹⁸ См.: Постановление СНК СССР от 16 марта 1930 г. «Об устранении препятствий отходу крестьян на отхожие промыслы и сезонные работы» // Известия. 1930. 17 марта.
- ¹⁹ Сост. по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 29. Л. 6; Д. 25. Л. 10, 11.
- ²⁰ См.: Труд в СССР : стат. справочник. М., 1936. С. 7.
- ²¹ Подсчитано по данным: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 25. Л. 10, 11.
- ²² См.: Данилов В. П. Указ. соч. С. 252, 253.
- ²³ Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского Правительства СССР. 1932. № 37. Отд. 1. С. 516–517.
- ²⁴ См.: Известия. 1933. 18 марта.
- ²⁵ См.: СССР в цифрах. М., 1935. С. 205.
- ²⁶ См.: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 30. Л. 60–62.
- ²⁷ Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века : Историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000. С. 92.
- ²⁸ См.: Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М., 2001. С. 13.
- ²⁹ См.: Осокина Е. А. Жертвы голода 1933 года: Сколько их // История СССР. 1991. № 5. С. 19.
- ³⁰ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 5451. Оп. 43. Д. 67. Л. 245.
- ³¹ Там же. Л. 62.
- ³² Там же. Л. 245.
- ³³ Там же. Л. 142.
- ³⁴ ГАРФ. Л. 143.
- ³⁵ Там же. Л. 151.
- ³⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 913. Л. 7.
- ³⁷ Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 годов в деревнях Поволжья // Вопр. истории. 1991. № 6. С. 176–178.
- ³⁸ См.: Кабанов В. В. Исторические источники советского периода // Источниковедение : Теория. История. Метод. Источники российской истории. М., 2000. С. 592.
- ³⁹ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 8. Л. 31; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 33. Л. 4, 38.
- ⁴⁰ Сост. по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 140. Л. 4, 8–10.
- ⁴¹ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 226. Л. 31–31 об.
- ⁴² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 327. Л. 2–3; Д. 328. Л. 3.
- ⁴³ Сост. по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 140. Л. 19, 23.
- ⁴⁴ См.: Ростовский И. А. Новый закон о браке, семье и опеке. 3-е изд. М., 1927. С. 30.
- ⁴⁵ См.: Черных А. И. Становление России советской. 20-е годы в зеркале социологии. М., 1998. С. 176.
- ⁴⁶ См.: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 8. Л. 31.
- ⁴⁷ См.: Залкинд А. Б. Половой вопрос в условиях советской общественности. Л., 1926. С. 57–58.
- ⁴⁸ См.: Черных А. И. Указ. соч. С. 182.
- ⁴⁹ Сост. по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 152. Л. 129–130; ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 8. Л. 31.
- ⁵⁰ См.: Араловец Н. А. Городская семья в России 1927–1959 гг. Тула, 2009. С. 75.
- ⁵¹ См.: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 327. Л. 3; Д. 328. Л. 3.
- ⁵² Там же.

УДК 94(47).084.8

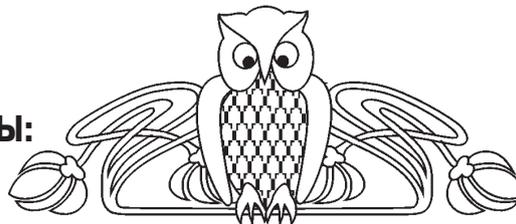
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ АДРЕСНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ НАСЕЛЕНИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ОПЫТ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В. Н. Данилов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: danilovvik@yandex.ru

В статье на примере Саратовской области рассматривается важная составляющая социальной политики Советского государства в годы Великой Отечественной войны – оказание адресной поддержки слабо защищенным слоям населения. Анализируются характер и масштабы мер материальной помощи семьям военнослужащих, инвалидам войны, матерям и детям, людям, пострадавшим от авиационных бомбардировок. Показывается, что патерналистская социальная политика государства сочеталась с общественной взаимопомощью.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Саратовская область, социальная политика, адресная поддержка.

The Main Directions of the Targeted Social Assistance during the Great Patriotic War: the Experience of the Saratov Region

V. N. Danilov

In the article, an important component of the social policy of the Soviet state during the Great Patriotic War – providing targeted support for poorly protected sectors is considered by the example of the Saratov region. The nature and scale of the financial assistance to the families of the military, disabled veterans, mothers and children, people affected by air bombardments are analyzed. It is shown that the paternalistic social policy was combined with social and mutual assistance.

Key words: Great Patriotic War, Saratov region, social policy, targeted support.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-2-230-239